

**КЛАССИКИ
ТЕОРИИ
ГОСУДАРСТВЕННОГО
УПРАВЛЕНИЯ:
УПРАВЛЕНЧЕСКИЕ
ИДЕИ
В РОССИИ**

Михаил Михайлович Щербатов

Разные рассуждения о правлении

Сканирование, вычитка, fb2 Chernov Sergey

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=628445

Классики теории государственного управления: Управленческие идеи в России / Факультет государственного управления МГУ им. М.В.

Ломоносова; Редкол.: А.В. Сурин (председатель), Ю.Ю. Петрунин (отв. ред.) и др.: Российская политическая энциклопедия (РОССПЭН);

Москва; 2008

ISBN 978-5-8243-0935-5

Аннотация

«...никакое сообщество, хотя мало оно многочисленно, не может пребывать без некоторых правил и законов, которые каждого поступок устанавливают, и без одного или многих определенных персон, дабы принуждать оные исполнять и надзирать над исполнением. Сие сочинило разные роды правления, монархическое, которое от патриаршего правления начало свое имеет; деспотическое иль самовластное, введенное мучителями, аристократическое и демократическое, о коих можно мнить. ...»

Содержание

1. Вообще о правлении	4
2. Правление монаршическое	6
3. О аристократическом правлении	8
4. О демократическом или народном правлении	10
5. О самовластии	12
6. О правах народов под сими разными правлениями	14
7. О законах	15
8. О награждениях	17
9. О наказаниях	18

М.М. Щербатов
Разные рассуждения
о правлении
Последняя четверть XVIII в.

1. Вообще о правлении

Хотя человек и снабден даром разума, чтобы долженствовало всегда его вести на прямой путь, по главностям добродетели, иже суть изображены в его сердце, но так, как одаренная разумом тварь, могущая принимать разные изображения, сии чуждые вещи толикое действие в нем произвели, что нынешний человек не таков уж, каков он от естества сотворен, но таков. Каково воспитание, разные предосуждения и изображения часто несправедливые его сочинили, и счастлив тот, кто между сего терния может рассмотреть хорошую траву, которая подавлена суть.

Сие повреждение разума человеческого есть причина, что никакое сообщество, хотя мало оно многочисленно, не может пребывать без некоторых правил и законов, которые каждого поступок устанавливают, и без одного или многих определенных персон, дабы принуждать оные исполнять и надзирать

над исполнением. Сие сочинило разные роды правления, монархическое, которое от патриаршего правления начало свое имеет; деспотическое иль самовластное, введенное мучителями, аристократическое и демократическое, о коих можно мнить. Что они произведены неудовольствием вельмож иль всего народа, правлением сих деспотов, которые по тому, колико они имели участие сих применениях, более или мене участия в правлении взяли.

Все сии правления (окромя самовластного) имеют их полезности и пороки: часто монархия переменяется в самовластие иль во ужасное мучительство, аристократия весьма утесняет подлый народ, демократия производит беспорядки и смущения, которые иногда и самого государства погибель приключают. И так можно сказать, что несть ничего совершенного в делах человеческих, но понеже совершенство нам не дано в удел, то будем, по крайней мере, стараться от пороков избежать.

2. Правление монаршическое

Понеже Монаршическое правление имеет свое начало от правления патриархов, или отцов фамилий, тут Государь – по избранию ли, иль по праву рождения, на престол бывает возведен – должен не только себя почитать Царем народа, который управляем как отцом, а они себя его детьми считать: он есть их покровитель. Защитник, судия и проч. И яко в правлении каждого рода, хотя вышняя власть и в персоне единого отца пребывает, однако и тот в важных делах спрашивает совету у старейших иль мудрейших своих детей, то том найвяще, понеже в монаршическом правлении более важных дел случается, и что когда же надлежит сохранить установленные законы иль новые установить для благополучия народов: не необходимо ли нужно государю иметь совет, сочиненной из мудрейших и более знания имеющих в делах, людей его народа, которые должны ему представлять то, что может служить к счастью государств, и отсоветовать колико возможно в вещах, предосудительных государству и клонящихся к самовластию.

И тако я считаю за величайшего и счастливейшего между Монархов того, который, почитая себя отцом народа, не старается, отвергая законы, ввести самовластие, не разделять свои интересы с интересами государства, знает великое искусство избирать себе в советники таковых людей, которые

сопрягают свое усердие к их Государю с любовью к отечеству и законам. Но коль мало таковых Монархов, которые, имея уже вышнюю власть, быв склонны честолюбием, разными страстями, а паче чудовищем (то есть лестью придворных), не покушаются достигнуть до самовластия! Коль же мало есть и Министров, которые бы по слепой любви к Государю, а боле для собственной их корысти, не готовы б были ему в том помогать, иль бы сопротивляться блистанию злата и достоинств! Так же мало и народов. Которые бы не хотели простереть их привилегии чрез уменьшение власти и доходов Государя.

3. О аристократическом правлении

Аристократическое правление, по моему мнению, установилось через некоторые возмущения, сочиненные главными фамилиями, которые, видя, что монархия зачала в самовластие переменяться, выдумали другой род правления, сиречь, такой, в котором власть вверена некоторому числу людей, отличных их достоинствами и летами. С первого взгляду несть ничего прекраснее главностей сего правления: тут мудрейшие люди сочиняют Сенат; не по своенравию единого; но по здравому рассуждению разумнейших мужей государства дела течение свое имеют. Учиненные проекты Государем, толь подвержены к пременениям, наследником его не оставляются, иль и самую пременой его мыслей, понеже сей Сенат есть бессмертен и непоколебим; тут каждый не ожидает награждений и не страшится наказаний, как токмо по мере услуг государству. Сии достойные вожди народов, трудяся для пользы отечества, сопрягают пользы их родов с пользою республики, которою управляют; законы тут не пременяются для пользы иль своенравия единого: понеже ревность между членов Сената производит сопротивление; лесь, сие адское чудовище, не имеет власти в таковом правлении. <...>

Вот вкратце изображение с единой стороны сего правления, которое бы можно почесть совершенным, если бы люди могли укрощать свои страсти; но сия столь мудрая фор-

ма правления, какова она если ее в тонкости рассмотреть? Сии столь мудрые люди, сочиняющие Сенат, также бывают заражены честолюбием и собственною к себе любовью; каждый, хотя и равен в Сенате, однако хотел бы властвовать. И чтобы его голосу предпочтительно пред другими последовали? Сие рождает происки, партии, ненависти и другие злы, иже суть не отделены от их страстей. Хотя дела решаются по большому числу голосов, однако, больше число не всегда лучше бывает; хотя проекты и не столь легко применяются, но разные происходящие споры, в которых каждый хочет содержать свое мнение. И чрез препятствия, которые чинит, если то противу его мнения определится, толь медлят, что часто оные в ничто обращаются. Предпочитая пользы своих родов интересам государства, стараются учинить вечными в из домах достоинства и богатства со исключением других, и утесняя подлый народ, который нигде так ни несчастлив, как под аристократическим правлением. Хотя благие законы не столь легко переменяются для прибытку и честолюбию единого, для самой той же причины вредные. В которых многие члены Сената себе пользу обретают, не столь легко отвергнуты бывают. Коль лесть от нижнего к высшему в сем роде правления не обретається, другой род лести, иже есть, дабы возмочь кого привлечь в свою сторону, между членов Сената бывает, а первая от подлого народа вельможам для приобретения их покровительства. <...>

4. О демократическом или народном правлении

Те же причины, которые подали случаи переменить монархию во аристократию, сиречь, мучительство государей вельможам, были причиною установления народного правления, то есть мучительства вельмож простому народу. <... > Демократическое правление с первого взгляду является быть сходственнейшее с естественным законом; понеже быв все рождены от единого отца, не все ли имеют справедливость требовать сию равность состояний, которая (ныне) является изгнанной из сообществ? Но, рассматривая сие с другой стороны, несть ничего непостояннее сего правления; оно сдает свои недры, разделяясь в разные партии, которые разные смутные поджигают, яко корабль на волнующемся море – хотя часто искусством кормщика от потопления избегает, но чаще еще и погибает иногда и у самой пристани. Понеже, окромя обыкновенного пороку медленности, общего всем республикам, никакое государственное таинство скрываться не может, быв сообщаемо всему народу: издержки, весьма нужные и необходимые для государства, бываю соблюденны для того, что народ не хочет новые наклады на себя наложить; люди справедливого обычая и неприятели лести, не токмо презрены остаются, но и гонение претерпева-

ют; вместо (того) люди лукавые, пронырливые. Которые за правило их поступка, не добродетель и справедливость, но исх собственный убыток, яко Силла, Цесарь, Август, Альцибиад, Периклес и другие, суть почтены и любимы. Тщетно несправедливо обвиняемый человек, надеясь на свою добродетель и справедливость, мнит избежать казни; довольно ему иметь двух смутных неприятелей, дабы осуждену быть, вместо (чего) преступник не теряет надежды, чтобы с помощью хорошего ритора, который приятным чарованием своего красноречия умеет разжалобить народ и затмить законы, быть оправдан сим смутным собранием. Любовь народа непостояннее ненависти: они без всякого зазрения совести казнят того, который за несколько дней пред тем был избавителем отечества почитаем. <...>

5. О самовластии

Я не знаю, можно ли про справедливости самовластие именем правления именовать, понеже сие есть мучительство, в котором нет иных законов и иных правил, окромя безумных своенравий деспота. Вместо что в монархии государь есть для народа. В самовластном правлении народ является быть сделан для государя. <...> И действительно, какие законы могут быть полезны для такого народа? Я уже не упоминаю о дарованиях щастья, но и самую жизнь имеет токмо тогда, пока угодно деспоту дозволить ему оной пользоваться – навсегда лишен величайшего дара природы, то есть вольности? Возможен ли что ужаснее быть, как видеть миллионы людей, сравненных со скотами, которые работают лишь для единого, и для его визиря и фаворита, который, быв рожден в неволе, достиг до милости Государя лишь через мерзкую лесть и подлость – требует, чтобы другие ему подобное же почтение воздавали и делали для него то же, что он. Для сохранения своего случая делает? <...> Таким образом, под сим правлением народ стонет в неволе, воин более старается угодить, нежелъ делать свою, судья продает правосудие, для удовольствования сребролюбия временщика, духовного чину человек без твердости, вместо наставлений, лишь панегирики сочиняет, торговля ослабеваает, науки, сии украшения разума, не имея вольности мыслить, бегут сих мест, искать

благорастворения воздушных.

6. О правах народов под сими разными правлениями

Понеже ничто более действия не имеет над правами человеческими, как воспитание, и как воспитание разнствует по разным родам правления, и так под всяким правлением народа имеет особливые нравы, более или менее сходственные с законами государства. Таким образом, в монархии люди честолюбивы, во аристократии горды и тверды, в демократии смутнолюбивы и увертчивы. В самовластном же правлении подлы и низки.

7. О законах

<...> Дабы сочинить благие законы, надлежит, чтобы тот, кто всхочет предписывать законы, не токмо бы знающ был в древних узаконениях страны, но так же бы в истории, дабы не весьма сопротивляться древним. И возмог бы предвидеть (через взятые примеры из истории), какие могу следствия произойти. Надлежит, чтобы он знал главные установления своей страны. Дабы в некоторых пунктах их не опровергнуть; имел бы знание сердца человеческого, чтоб проникнуть внутрь и искоренить пороки в самом их начале; надлежит ему знать владычествующую склонность своей нации, дабы предписать жесточайшие наказания за преступления, к которым она более склонности имеет; надлежит, чтоб он некоторым образом последовал предупрежденным мыслям народа во его обычаях, которые их древнюю силу законов получили, и которые часто не могут быть переменены, не приключая более вреда, нежели какая польза может от того произойти; наконец, надлежит, чтобы законодавец не высокомысленный человек был, который без дальнего рассмотрения осмеивается предписывать законы; дабы он был довольно мудр, дабы возмог сносить учиненные ему споры, и возмог бы поправиться; довольно милосерд, дабы отпустить малые вины и довольно тверд, чтоб предписать строгие наказания за великие преступления.

Законы должны быть писаны слогом кратким, внятнм, и не двояко знаменующим. Но понеже лукавство сердца человеческого есть столь велико, что тщетно употреблять все способы к написанию законов без двоякознаменования, поврежденные судьи все найдут некоторые для утверждения их неправосудия. И для сего является мне, что сие бы великой полезности было, есть ли бы высшее судебное место каждой страны ежегодно велело печатать подлинником все дела, которые были в нем решены. <...> Нижние же судебные места, имея перед глазами решения высшего суда, не осмеливались бы от оных отдалиться.

Все законы не могут быть полезны для всякого роду правления; те, которые сочиняют для благополучия народа в монархии, лишь смущение в беспорядок в республике производят; и общим образом можно означить пристойные законы для всякого правления под сими главностями, то есть: они милосердны в монархии, мучительны под самовластием и строги в республиках.

8. О награждениях

<...> Можно вообще сказать о награждениях, что не меньше надлежит умеренности давать, как наказывать. Справедливое посредство весьма трудно сыскать. Великая скупость в награждениях ослабляет бодрость, а великая чли-вость чинить, что излишне великими почитаются всякие за-слуги, и производит в сердцах корыстолюбие? Часто госуда-ри, для показания их щедрости, иль для приобретения люб-ви своих подданных, чтиво милости свои разливают и преис-полняют награждения; что же от сего происходит? Награж-дения со излишним расточением даваемые, теряют свою це-ну, бодрость корыстолюбива становится, люди, оказавшие услуги, вскоре в сластолюбие впадают, и мя, что им всегда должно давать, никогда и ничем довольны не бывают. Каз-на государственная истощается, и вместо прибытку, какой бы государство могло получить от исполненных достоинства людей, они ему и тягость становятся. Достоинства со изли-шеством умноженные, блистание свое теряют, так, что желая избежать от неспособностей, которые могут воспоследовать от скупости в награждениях, в вящее и опаснейшее зло впа-дают, тем более не исцельное, что привыкши к сему расто-чительному раздаянию, будут почитать, яко бы у них отни-мали все то, что им не дадут.

9. О наказаниях

Хотя во всех правлениях законодатели соглашались наказывать смущающие общества преступления, однако единые в некоторых странах строже наказаны, нежели в других, по мере как нация более ли, или меньше, имеет в склонности в иные впадать. Также и род правления действие свое производит; так в республиках, где разные партии часто колеблют государство, преступления оскорбления величества не столь строго наказуются; под монархическим правлением милосердие государя иногда некоторое ослабление дает; а понеже самовластие на страхе основано, то содержится мечем и кровию.

Сохрани меня, Боже, похвалить сии бесчеловечные законы, которые наказуют смертною казнию и самые малейшие преступления: понеже надлежит иметь уважение к человечеству. Но так же я не могу похвалить и сие неумеренное послабление, которое прощает и дарует жизнь всяким преступникам; отцеубиец, разбойник, смертоубиец, обогранный кровью своих братьев, достоин ли такого милосердия? Иль лучше сказать. Учиненное милосердие с таким чудовищем не возбуждает ли других в таковые же преступления впадать? И сей самой человек в сих преступлениях, есть ли простится, и опять в них впадет. То учиненное милосердие не злость ли для невинных? <...> Меч правосудия не мень-

ше нужен для укрощения мздоимства судей, которых я почитаю, яко разбойников, тем более опаснейших, что труднее избежать от их рук. И что они разбои и грабительствы свои среди градов и в священных местах чинят.

Публ. по: Щербатов М.М. Сочинения. Т. 1. СПб., 1896. С. 335–354.